

Оставшиеся в опочивальне дворцовые слуги сбились с дыхания и поспешно опустили головы, не смея лишний раз поднимать глаз.

Он хлопнул в ладоши и с усмешкой произнес:

— Надо же, какая ирония: эта девчонка — шахматная фигура, которую Королева тщательно выбирала и подкладывала мне под бок. Столько лет стараний, а стоит ей приказать умереть, как она мертва. Дети семьи Фань и впрямь мастера вершить великие дела.

Лишь при виде нее безупречная, утонченная маска Королевы оживала, приобретая черты живого человека. Во взгляде ее затеплилась томная тоска, переполненная нежностью. Слегка согнув колени в почтительном поклоне, она мягко промолвила:

— Ваше Величество — воплощение божественной крови Феникса, разве пристало осквернять ее подобной ничтожной черни? У вашей покорной слуги не было выбора. Раз я потревожила ваш сладкий сон, прошу, Ваше Величество, простите меня.

Он лишь насмешливо усмехнулся, сохраняя отрешенное выражение лица, словно весь мир для него ничего не стоил:

— Скажи, разве это не забавно? Пока все идет хорошо, но стоит мне провести с ними ночь, как они превращаются в презренную чернь. Даже наложница Жун, прибывшая из Семи Путей Мерети, — и та оказалась ничтожной простолюдинкой, недостойной родить мне ребенка.

Королева приняла из рук придворной дамы тяжелый расшитый золотом парадный плащ на черной подкладке и накинула ему на плечи. В ее голосе звучали лишь кроткая покорность и легкая нотка скорби:

— Ваше Величество жестоко несправедливы к вашей слуге! Ребенок наложницы Жун от рождения был болезненным и несчастно скончался, еще находясь в утробе. Когда я узнала об этом, сердце мое обливалось кровью... Будь он жив, ему исполнилось бы уже одиннадцать или двенадцать лет. Ваше Величество, впереди еще долгие годы, а прошлое пусть останется в прошлом. Пусть милость Вашего Величества осенит внутренние покои, дабы потомство множилось, и в будущем дворец заполнили десятки принцев и принцесс.

Она мягко прижалась щекой к его прямой широкой спине, словно багрово-красная повилика, обвивающая чахнувшую, иссохшую снежную сосну, и ласково прошептала:

— Ночь глубока, позвольте вашей слуге проводить Ваше Величество на покой.

Он тоже тихо рассмеялся и мягко ответил:

— Ночь глубока, пора и отдохнуть.

Он в точности копировал интонацию Королевы, не упуская ни единого повышения или понижения голоса.

Словно марионетка, чьи руки и ноги привязаны к нитям, послушно двигающаяся по чужой воле.

На следующий же день во дворец поступил доклад с требованием импичмента Шестого принца. Тонкие брови чуть приподнялись:

— Черить издавна славился добродетелью и благоразумием, с чего бы ему творить подобные безумства?

Длинные, отмеченные четкими суставами нефритово-белые пальцы извлекли свиток меморандума, после чего раздался внезапный смех:

— Приложил столько усилий, чтобы отнять чужую книжную лавку? Тягаться с простым народом за выгоду, притеснять сирот и вдов — делал бы это тихо, но угораздило же попасться Чирю прямо в лапы да еще и донести все это до его собственного отца!

Хотя на лице его играла улыбка, взгляд оставался холодным и отстраненным. Бросив доклад, сотканный из перьев павлина, обратно на письменный стол, он презрительно бросил:

— Ничтожество. Хоу Ин! Запиши: Шестой принц Чу Че за надменное поведение приговаривается к домашнему аресту сроком на один год для осмысления собственных ошибок, а также лишается жалованья за два года. Выплатить эту сумму в качестве компенсации Книжной лавке Юнчэн.

Сидевшая до этого внизу неподвижно Королева мягко произнесла:

— Ваше Величество, Черить еще юн и неопытен, к тому же наверняка поддался чьим-то дурным наущениям, вот и совершил глупость. Он ведь еще ребенок, разве наказание... не слишком сурово?

Он бросил на нее косой взгляд — в безжалостных глазах мерцало целое созвездие. Улыбнувшись, он молвил:

— Пятнадцать лет — и еще ребенок? В его годы я уже был женат на наследной принцессе.

Королева возразила:

— Черить обладает лишь кровью чёрного пэн, разве может он сравниться с Вашим Величеством? Он, как и его покойная мать, простоват, однако нравом вовсе не дурен. Сколь ни

велико суровое наказание Вашего Величества, продиктованное отцовской заботой, боюсь, он не только не оценит его, но лишь разрушит хрупкие узы отцовской и сыновьей любви.

Опустив взгляд, он взял другую стопку докладов, развернул их по очереди и слегка изогнул губы в улыбке:

— Сколько у нас с ним отцовской любви — решать не вам ли, моя Королева? Только посмотрите: все чиновники столицы требуют покарать Шестого принца за сговор с иностранцами и притеснение простого люда. Дело это может быть как большим, так и малым, а год под домашним арестом — отличный способ переждать бурю. Боюсь лишь, копни мы дальше, и придется обвинять его в государственной измене. Хоу Ин, как звали владельца той книжной лавки, которую он пытался отнять по подложным документам? Кажется... Цзи Чаоань?

Хоу Ин почтительно сложил руки:

— Ваше Величество, его действительно зовут Цзи Чаоань. Ему всего десять лет, оба родителя скончались. Его отец — тот самый Цзи Лю, чей арест три года назад положил начало «литературной смуте». Если вдуматься, Цзи Лю — двоюродный брат графа Чэнъи Цзи Суна.

Он откинулся на спинку кресла и спросил:

— Литературная смута... Это те, кто тайно печатал еретические трактаты Людей?

Хоу Ин ответил:

— Совершенно верно.

Он вздохнул:

— Пусть Цзи Лю и совершил тяжкое преступление, в чем виноваты ни в чем невинные дети? К тому же он едва не стал жертвой произвола властителей — какая жалость... Доставьте его во дворец, я хочу взглянуть на мальчика.

Сегодня Королева сменила наряд на скромное и элегантное повседневное платье цвета бамбуковой листвы. Сделав шаг вперед, она взяла с подноса евнуха белоснежную фарфоровую пиалу и протянула ее повелителю. Ее голос звучал так же мягко и покорно, как и всегда:

— Милосердие и забота Вашего Величества о народе — великое благословение. Однако во дворце строгие порядки. Этот ребенок лишился всех близких, некому даже дать ему добрый совет. Войдя во дворцовые стены, он будет страшно напуган каждым шагом. Если от испуга он заболит, то доброе дело обернется бедой. Невинный ребенок и так пострадал от дурной молвы, будет куда лучше и практичнее осыпать его щедрыми дарами в утешение.

Уголки его губ взметнулись вверх, а в улыбке промелькнуло чуть больше тепла:

— И впрямь, Королева всегда мыслит куда шире. Пусть будет так.

Улыбка Королевы стала еще ярче примерно на три доли:

— С вашего позволения, я возьму на себя заботу о Черите, пусть это послужит искуплением его вины.

Только тогда он взял из ее рук пиалу и бросил многозначительный взгляд на тщательно подведенные глаза Королевы:

— Лишения жалованья не отменяются, а домашний арест... сократим до полугода. Позаботьтесь о женитьбе Черитя, Королева.

Королева поспешно выразила благодарность.

Стоило ей покинуть Дворец Минчжоу, как он с яростью швырнул пиалу оземь, разбив хрупкий белый фарфор на мелкие осколки.

Звонкий звук расколовшегося фарфора отчетливо донесся до коридора, но Королева осталась глуха к нему. Сохраняя невозмутимое достоинство и благородство, она взошла на свой фениксов паланкин.

Вскоре Цзи Чаоань совершенно неожиданно получил щедрые дары из самого дворца. Разумеется, в официальных бумагах не упоминалось, что это штрафные выплаты за проступки Шестого принца, так что всё обставили как награду за ценную помощь в раскрытии важных дел.

В суматоше проводив посланцев небес, Цзи Чаоань остался стоять с описью в руках, ошеломленно глядя на заполнившие весь двор деревянные ящики:

Пятьдесят лянов золота;

Тысяча лянов серебра;

Пятьдесят рулонов шелка;

Пятьдесят рулонов тонкой ткани;

Пара нефритовых жуи из бараньего жира;

Четыре винных сосуда на четырех ножках с изображениями таотие из жадеита;

Двести жемчужин с Северного моря, каждая величиной с большой палец, идеально круглые, безупречные и ослепительно сияющие... Серый кролик очень любил их грызть.

Два ящика кистей, туши, бумаги и чернильниц — все высочайшего качества.

И еще один ящик с разными занятными вещами: подставками для кистей из сандалового дерева, настольными ширмами с перламутровой инкрустацией, нефритовыми украшениями для пояса и тому подобным.

В голове Цзи Чаоань боролись лишь две мысли, сменяя друг друга, словно актеры на сцене.

Первая: свалившееся с небес богатство.

Вторая: накликаемая беда.

Кем бы ни были отправлены эти дары, в одном Цзи Чаоань был уверен на все сто: он основательно разозлил Чу Че.

Отказываться от работы нельзя.

Прошел Праздник Фонарей, и Цзи Чаоань закрутился в делах еще сильнее.

Дворцовая щедрость помогла решить насущные проблемы, и, когда в карманах появились деньги, он запасся скромными подарками, чтобы навестить соседей и Резиденцию графа Чэнъи.

Кроме того, он приобрел превосходные пресс-папье, тушь и кисти, чтобы нанести визит бывшим подмастерьям и книготорговцам, с которыми сотрудничала лавка.

Эта задача оказалась куда сложнее, чем он предполагал.

Из-за того, что три года назад Цзи Лю попал в тюрьму за тайную печать еретических трактатов Людей, под удар попала больше чем половина торговцев и лавок Государства Юй. Ведомство Пяти Птиц воспользовалось случаем и издало указ о строгой самопроверке, припугнув всех издателей страны. Тех, кто хоть в чем-то преступал черту, ждала в лучшем случае конфискация имущества, в худшем — ссылка. В результате стоило кому-то заговорить о Цзи Лю, как люди начинали скрежетать зубами от злости.

Если Цзи Лю и покончил с собой в застенках, то главным образом потому, что не смел поднять

глаз на коллег по ремеслу.

И вот теперь единственный сын Цзи Лю пришел к ним с новогодними поздравлениями. Те, кто был помягче, кое-как вежливо от отделались, но от подарков решительно отказались; те, кто попроще, вовсе не пожелали показаться на глаза; а самые озлобленные и вовсе прибежали к нему, чтобы обругать на чем свет стоит и выплеснуть накопившуюся обиду.

Долги отца переходят к сыну — Цзи Чаоань стерпел всё.

Бега с раннего утра до заката целых два дня, он добился впечатляющих результатов.

Весть о том, что Книжная лавка Юнчэн вновь открывается, облетела всех книготорговцев, и Цзи Чаоань сумел связаться с большей частью прежних поставщиков и постоянных клиентов.

Разумеется, некоторые из них уже сменили ремесло, иные кричали о необходимости провести четкую границу, а находились и те, кто попытался нажиться на чужой беде.

И все же большинство выразило готовность сотрудничать с Книжной лавкой Юнчэн, условившись подписать договоры сразу после окончания Праздника Фонарей.

Нашлась и пара совсем крошечных лавочек, с которыми они прежде почти не общались, но теперь те заявили, что готовы сделать ему двойную скидку. Цзи Чаоань был безмерно тронут, но вежливо отклонил каждое подобное предложение.

В стартовом капитале он больше не нуждался, а злоупотреблять чужой добротой не хотел.

Закончив хлопоты, Цзи Чаоань почувствовал легкое опустошение.

На третий день он лежал на краю кровати, подбрасывая жемчужину и дразня кролика, и, оттягивая момент выхода на улицу, лениво ворчал:

— Маленькое Деревце Хуай, послушай меня, эти полуграмотные литераторы до того капризны! Во всей книжной смуте виноват лишь Фэн Ми-ван, которому вздумалось объявить прекрасные классические книги ересью, а потом менять указы по сто раз на дню, до чего же надоело. Разве бедный простолюдин способен угнаться за мыслями сильных мира сего? Вот и пострадали безвинно. А книготорговцы не смеют ругать Фэн Ми-вана, зато отыгрываются на моем отце и на мне...

Вздохнув, он продолжил:

— Отец мой тоже был тем еще книжником, не вынес ругани и наложил на себя руки. Матушка тоже не стерпела, чахла изо дня в кун да так и умерла от тоски... То ли дело я: имена всех, кто

меня бранил, я записал. Благородный мстит за обиду и через десять лет не поздно.

Серый кролик внезапно подпрыгнул и в один миг вцепился зубами в летевшую жемчужину, разломав ее с громким хрустом на куски.

Цзи Чаоань судорожно втянул воздух, ощутив легкий укол в сердце:

— Маленькое Деревце Хуай, обычные кройки стачивают зубы о морковку, а ты норовишь использовать для этого жемчуг с Северного моря. Эта вещица безумно дорогая, если ты будешь глотать по одной за раз, я просто не смогу тебя прокормить.

Серый кролик скосил на него глаз, выплюнул из пасти осколки покрупнее, снова зажал их зубами и с хрустом разжевал.

Стоило ему увлечься игрой с кроликом, как у дверей посмертного дворика раздался стук.

Гостем оказался шестнадцатилетний коренастый парень в короткой синей одежде грубого сукна. У него было широкое лицо и самая заурядная внешность, но глаза всегда сияли радостью, а с лица не сходила улыбка, вызывая у каждого мгновенную симпатию.

Цзи Чаоань открыл дверь, и тот сразу расплылся в улыбке, обнажив на смуглых щеках две крошечные ямочки:

— Хозяин! Я всё узнал!

Цзи Чаоань улыбнулся в ответ:

— Сяо Маня всегда всё делает так быстро! Заходи скорее, на очаге как раз варится похлебка, я тебе налью.

Сяо Маня радостно крикнул «С удовольствием!», шагнул в дом и затараторил скороговоркой, сыпля словами, как горох из продырявленного бамбукового туеска:

— Братец Чжиюнь ушел так внезапно, что даже близкие друзья не знают, куда он направился! А ведь Чжан У был с ним так близок, что они даже на доньшке вина делили остатки поровну. Вчера я пошел расспросить его, а он аж в лице изменился от испуга и давай сам меня допытываться — мол, куда это Чжиюнь запропастился и где он теперь... Чжан У и впрямь убивается, он считал брата Чжиюня настоящим другом, всегда был с ним предельно откровенен...

Цзи Чаоань прервал его:

— Лучше расскажи, что тебе удалось выяснить?

Сяо Маня снова отозвался восторженным согласием и продолжил:

— Я подумал: раз он никому ничего не сказал, соседи и хозяйка дома наверняка должны знать! Братец Чжиюнь сирота, с детства рос при старом хозяине, но несколько лет назад съехал и арендовал флигель у бабушки Чэнь Ци! А эта бабка Чэнь Ци вечно сует нос во все дела, я и решил — а вдруг она что-то знает...

Цзи Чаоань коснулся пальцами виска, сообразив, что по нынешнему возрасту ему не положено так рассуждать, и тут же перевел жест на край одежды Сяо Мани, поднимая на него глаза:

— Братец Сяо Маня, так куда же все-таки делся братец Чжиюнь?

Тут на лице Сяо Мани появилось озадаченное выражение:

— Тут такое дело... Право слово, невероятное совпадение. Два месяца назад братец Чжиюнь пришел к бабушке Чэнь Ци расторгать договор аренды, а та заявила, что до конца пятилетнего срока остается еще полтора года, и возвращать залог отказалась. Тогда он выложил ей всю правду: мол, объявились родственники с его родины в округе Миньчжоу, хотят забрать его и вернуть в клан. Говорил так искренне и со слезами на глазах, что бабка Чэнь Ци растаяла и вернула ему половину залога. А когда рассказывала мне об этом позже, так кусала локти — говорит, надо было вернуть от силы треть!

Взгляд Цзи Чаоаня стал мрачным:

— Вернуть в клан? Разве бывают такие совпадения?

Сяо Маня кивнул:

— Как раз незадолго до этого бабка Чэнь Ци видела двух мужчин с миньчжоуским акцентом, которые приходили к нему. Они о чем-то болтали и смеялись, после чего она и поверила. Хозяин, совпадение это или нет — неважно, можешь не переживать. Братец Чжиюнь ушел, но есть же я! Наша лавка все равно заработает как прежде!

Коренастый парень с гордостью хлопнул себя по груди.

Цзи Чаоань улыбнулся:

— Раз со мной братец Сяо Маня, я, конечно, спокоен. Просто мне любопытно. Горы в округе Миньчжоу крутые и опасные, хищных птиц полно, а воспитывать детей там отродясь не умели — девять из десяти теряются напрочь. Искать родню за тысячи ли — редчайшее дело, а вот

поди ж ты, приключилось с Ма Чжиюнем.

Сяо Маня вздохнул:

— И то верно! Как назло, уйти бы братцу Чжиюню чуть позже. Старый хозяин лично учил его отбирать и проверять книги, и пока лавка работала, треть всех изданий отбирал именно он... А теперь тебе приходится учиться всему с нуля, тяжело же придется.

Цзи Чаоань задумчиво произнес:

— Третью — это так много?

Сяо Маня споро принялся за работу прямо в лапке. Книжные шкафы здесь были сделаны из векового бессмертного камфорного дерева, они еще послужат.

Столы и прилавки были сломаны, и Цзи Чаоань заказал новые, которые должны были привезти только после Праздника Фонарей, поэтому Сяо Маня собирал обломки ножек от табуретов и сносил их во двор, чтобы расколоть на дрова.

Цзи Чаоань тоже прихватил треснувший маленький табурет и последовал за ним во двор, а Сяо Маня продолжал болтать:

— Да уж, целую третью! Тогда я был совсем маленьким, стоял рядом и смотрел. Иногда, сомневаясь в выборе книги, старый хозяин даже спрашивал совета у братца Чжиюня.

Тут парень неожиданно захлопал покрасневшими глазами и тихо произнес:

— Чаоань, я ведь порой думаю: почему братец Чжиюнь тогда... ну почему он не отговорил хозяина издавать ту...

Он шмыгнул носом и снова улыбнулся:

— Да я так, глупости говорю... Теперь хозяин здесь ты. Хозяин, давай я тебе дров наколоу.

С этими словами он засуетился во дворе и, подхватив топор, звонко застучал по поленьям.

Цзи Чаоань оставил сломанный табурет и отправился на кухню налить Сяо Мане еды.

Ма Чжиюнь был сиротой. Цзи Лю нанял его подмастерьем в лавку: хотя официально усыновлять не стал, с младых ногтей тот ел и жил в доме Цзи Лю, а супруги Цзи относились к нему как к родному, почитай, как к старшему брату Цзи Чаоаня.

Цзи Лю передал ему все свои знания без утайки. Но стоило Цзи Лю угодить в беду, как тот бесследно исчез, забыв о малейшей благодарности к семье бывшего хозяина. И аккурат за два месяца до этого внезапно съехал из Луоцзина... А вскоре после этого Ма Шо стал навещать в их дом с куда большим усердием.

Совпадение или страх перед возмездием?

В прошлой жизни Цзи Чаоань узнал о судьбе Ма Чжияня лишь на двадцать седьмом году правления Жунву. Тот женился в Миньчжоу, больше не занимался книжным делом, а открыл большой ресторан, греб золото лопатой и жил в роскоши. На двадцать первом году правления Жунву он затеял пьяную ссору с каким-то гостем в борделе и был заколот насмерть.

У Ма Чжияня не осталось ни родителей, ни детей, и все огромное состояние досталось молодой вдове.

Цзи Чаоань поставил на плиту большую фарфоровую чашу с сине-белым узором и, зачерпнув большой бронзовой ложкой похлебку из глиняного горшка, с улыбкой вздохнул обратившемуся к нему кролику:

— И какая же тайна скрывается за этой книжной лавкой? Тут и подкупают, и людей убивают, а потраченных денег хватило бы не то что на лавку Юнчэн — на всю эту улицу целиком! Неужели под этим домом зарыт какой-то древний божественный артефакт? Давай-ка этой ночью не будем спать, пойдем покопаемся во дворе...

Едва он произнес это в шутку, как серый кролик неожиданно подпрыгнул и со всего маху врезался ему в руку. Толчок оказался не слабым и не сильным, но рука Цзи Чаоаня дрогнула, и полная ложка похлебки шлепнулась обратно в горшок.

Цзи Чаоань нахмурился:

— Ты это к чему?

С этими словами он зачерпнул новую ложку. Он не жалел продуктов: в кастрюле белой каши было добрых полпорции каштанов и каракатицы, поставленных томиться на медленном огне еще спозаранку. Каштаны разварились до мягкости, а каракатица источала восхитительный аромат. Стоило приподнять крышку, как в нос ударял густой запах нежной белой каши с янтарными каштанами и розово-белыми ломтиками каракатицы, в котором сладковатые нотки смешивались с соленым морским ароматом. Съесть такую миску морозным зимним утром — лучшего и не пожелаешь.

Заметив, что он снова зачерпывает кашу, кролик снова подпрыгнул, с удивительной точностью рассчитав силу удара — как раз чтобы рука качнулась, а ложка перевернулась, и большая часть похлебки вернулась в горшок. Цзи Чаоаню пришлось переложить в пиалу лишь оставшуюся крошечную малость, после чего кролик прыгать перестал.

Углядев, что в неполной пиале плавают всего два-три кусочка каштана и нет ни единого намека на ломтики каракатицы, Цзи Чаоань наконец все понял.

— Ах ты, плутишка. — Цзи Чаоань не знал, плакать ему или смеяться. — Так сильно трясешься за еду... И впрямь говорят, что чудовища-хоу обожают дары моря?

Бормоча себе под нос, он с невероятным терпением отнесся к пушистому комку и палочками выложил на тарелку целую гору ломтиков каракатицы остывать. Глаза серого кролика сверкали, точно черные граненые обсидианы, а ушки и пушистый хвост непроизвольно подрагивали от нетерпения.

Цзи Чаоань зачерпнул новую порцию — там оказалось ровно пол-ложки каштанов и каракатицы. В глазах кролика вновь блеснул гнев, и он приготовился к прыжку.

Но на этот раз Цзи Чаоань шагнул вбок и прикрыл миску спиной.

Кролик врезался в спину мальчика и кубарем покатился по полу.

Тотчас же оказавшись пойманным за уши, Цзи Чаоань вынес его из кухни и водворил на место в заднюю дворовую клетку.

Серый кролик яростно заверещал и с размаху врезался в прутья клетки, издав громкий звон. Клетка была изготовлена по специальному заказу самого Цзи Чаоаня из перекрученной меди и железа, так что ее не перегрызли бы и самые острые зубы.

Присев на корточки перед клеткой, Цзи Чаоань тихо произнес:

— Маленькое Деревце Хуай, беречь свою еду — одно дело, но надо же знать меру. Каштаны с каракатицей мыл я, кашу варил я, а дрова колол братец Сяо Маня. Ты палец о палец не ударил, но получаешь больше всех — мы делимся с тобой лишь потому, что помним, какой ты маленький и юный, и жалею тебя, заботимся о тебе. Но ты должен быть благодарен, а не требовать все себе по праву сильного. На свете так не положено.

Кролик дважды пискнул в знак протеста. Цзи Чаоань не разобрал смысла, лишь холодно усмехнулся:

— Еще и недоволен? Вот уйдет братец Сяо Маня, мы с тобой еще поквитаемся.

Вернувшись на кухню, он доверху наполнил пиалу кашей и отнес ее Сяо Мане, который как раз решил передохнуть от колки дров.

Сяо Маня с наслаждением уплетал кашу, ни о чем не догадываясь и не ведая разыгравшейся

на кухне бури.

Пока они мирно беседовали, у ворот снова раздался стук.

Цзи Чаоань усмехнулся:

— Похоже, в этом году я и впрямь разбогатею: едва миновал первый день лунного года, как у дверей уже толпа.

Отворив калитку, он увидел целую толпу из добрых десятка стражников в форменных одеждах. Половина из них была облачена в черные одеяния с вышитыми синими ветками хуай — это были дознаватели из Переулка Хуайшу, а вторая половина щеголяла в темно-синих мантиях с вышитыми горлицами — стражи Девяти Законов из Управления Девяти Законов.

Шедший впереди средних лет страж Девяти Законов развернул перед лицом Цзи Чаоаня бумажный свиток и произнес:

— Мальчик, в наше управление поступил донос. Говорят, ты прячешь здесь демоническое создание, мы прибыли по приказу с обыском.

<http://bllate.org/book/21199/2145912>